

Мои воспоминания или событія въ моей жизни

Часть III-я.

1829 года Февраля 13-го дня въ сельцѣ Красномъ.

Записки М. Леонтьева.

Кто Богъ велий, яко Богъ нашъ?
Ты еси Богъ! твори чюдеса.

Глава I.

Составъ нашего семейства, образъ моей жизни, предположенія мои къ дальнѣйшему проведению оной съ моей матерью, поѣздка въ Тамбовъ и прочее по концѣ 1809-го года.

1809-ый годъ.

Устранясь отъ шума войны и мерзкихъ удовольствій, я желалъ обрѣсти миръ и спокойствіе въ сельской жизни, въ семействѣ родныхъ моихъ. Въ сіе время покойная мать моя жила, какъ сказалъ я прежде, въ селѣ своемъ Подсосенкахъ съ двумя моими сестрами Натальей и Александрой и съ покойнымъ теперь братомъ Алексѣемъ. Предполагая, что никому не помѣшаю, я въ отвращеніе всякихъ неудовольствій отдалъ весь деревенскій доходъ мой до 700 рублей простиравшійся въ кассу семейства, предоставляя себѣ пансіонъ изъ 336 рублей ассигнаціями состоящій, и кровью моею приобрѣтенный, на собственныя мои издержки. Въ сей увѣренности по назначенію матушки занявъ флигель, изъ двухъ комнатъ состоящій, я поселился въ немъ, проводя время частію въ чтеніи покупаемыхъ мною книгъ, частію занимаясь съ матушкою въ

игру бостонъ для ея удовольствія. Наступившее вскорѣ лѣто доставляло мнѣ пріятнѣйшія прогулки по тамошнему прекрасному саду, и я часто, взойдя на устроенную высоту названную Парнасомъ, проводилъ тамъ по нѣсколькѣ часовъ, любуясь прекрасными видами на нѣсколькѣ селъ и извивистую рѣку простиравшимися. Такъ проводя время, я почиталъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ. Я надѣялся на долю вести таковую семейственную жизнь и тѣмъ избѣгнуть скучного и обременительнаго, одиночества при тогдашнемъ моемъ состояніи, простиравшимся до 20 душъ населенія на своей Красновской, совсѣмъ пустой, усадьбѣ. Въ началѣ іюня отправились мы всѣ въ Тамбовъ на ярмарку, гдѣ я на привезенныя съ собой изъ полка деньги, въ заслуженномъ жалованьи и раціонахъ состоящія, одѣлся какъ надобно, сшивъ себѣ довольно разнаго платья. Тамъ познакомился я съ нѣкоторыми помѣщиками, которыхъ болѣе и не видалъ послѣ нигдѣ; изъ Тамбова возвратясь въ Подсосенки мы, по похвальному тогдашнему обыкновенію ѣздить взадъ и впередъ, пустились въ Епифанскую деревню Есенокъ, гдѣ я въ Августѣ получилъ орденъ св. Владимира 4-ой степени съ бантомъ за геройское сраженіе. Сія награда вовсе несоотвѣтственная моей службѣ много однако меня порадовала, и покойная мать моя праздновала сіе событіе большимъ обѣдомъ. Въ исходѣ сентября мы, обратно возвратясь въ Подсосенки, принялись за свой обыкновенный образъ жизни и наступившая зима заставила насъ жить постоянно въ сей деревнѣ. Такъ окончился 1809-й годъ. Признаюсь, что мнѣ и тогда на 24 году моей жизни частыя сіи путешествія безъ цѣли и нужды вовсе не нравились, но тогда не знали еще мудраго правила Жюльена, что: „надобно безвыѣздно и твердо расположиться своею осѣдlostію, дабы хорошо управлять своимъ состояніемъ, здоровьемъ, семействомъ и жизнью.“ (См. 2-ю книгу, ст. 32-ая о употребленіи времени).

Глава II.

Коварство, происки и отъѣздъ въ Красное 1810-го года.

Недолго продолжалось для меня спокойное жительство съ моей матерью въ Подсосенкахъ, надлежало мнѣ вновь испытать если не совершенную нищету, то тягостный во многомъ недостатокъ и устраиваться своимъ домомъ, чего мнѣ очень, очень не хотѣлось, зная свое маленькое состояніе.

Вышедшій въ семь году въ отставку братъ мой Алексѣй началъ хитрить въ полученіи всего матушкина имѣнія себѣ, въ семь его

предпріятіи я конечно былъ лишній, и надлежало прежде всего меня сбыть съ рукъ; съ симъ намѣреніемъ, Алексѣй и Наталья съ нимъ единомысленная, начали тѣмъ, что матушкѣ, любившей хорошій столъ, стали дѣлать оный дурной и на послѣдовавшее за симъ довольно жаркое объясненіе доложили, что много идетъ лишняго противъ прежняго, намекая весьма ясно на меня, но, видя, что я въ молчаніи переносу ихъ наглое нападеніе, рѣшились уже прямо сказать мнѣ, что моего дохода мало на мое содержаніе, и я избѣгая дальнѣйшей непріятности принужденъ былъ изъ третнего пансіона своего дать еще Натальи 30 асс. на наступившій великій постъ, на рыбу, которая, по ея словамъ, очень вздорожала. Наконецъ, видя, что меня и сіе не раздражаетъ, въ общемъ совѣтѣ Алексѣй и Наталья положили лишить меня услуги и посему приказали ходившему за мною челоувѣку матери моей сказаться больнымъ, а мнѣ, лишенному услуги, ихъ же люди говорили, что это сдѣлано съ тѣмъ, чтобы я взялъ своего челоувѣка. Избѣгая объясненій я взялъ своего глупаго мальчику, единственнаго лакея послѣ отца моего матушкою мнѣ предоставленнаго, и одѣлъ его. Когда и сіе не помогло, то тогда уже весьма ясно и часто начали поговаривать, что имѣніе у нихъ съ матушкой общее, что я сынъ отдѣленный и что пора мнѣ подумать о своемъ хозяйствѣ. Потерявъ терпѣніе я вошелъ съ сими людьми въ объясненіе о своихъ правахъ въ отношеніи матери намъ общей, но изъ сего родилась ссора, а она не стала и глядѣть на меня.

Наступилъ день рожденія Натальи, а какъ на другой день предположено было освященіе въ Подсосенкахъ церкви, матушкою устроенною, и для сего готовились къ большому празднованію, то я и не выбрилъ въ сей день бороды, полагая, что сдѣлаю это въ тотъ важный для матушки день. Наталья, увидя меня въ день своего рожденія съ небритой бородой и въ сюртукѣ, потому что у насъ гостей никакихъ не было, ужасно раздражилась сею неумышленною погрѣшностью и столь разстроилась, что со слезами приносила матушкѣ на сіе жалобу заставя и сдѣлать мнѣ выговоръ. Послѣ сего, день ото дня оскорбленія мнѣ увеличивались до нестерпимости, и я разсмотря все сіе и ясно видя, что Алексѣй и Наталья, управляя всѣмъ имѣніемъ матушки и домомъ ея, ибо она давно уже въ сіе не входила, могутъ ежеминутно дѣлать мнѣ величайшія непріятности и даже могутъ и самую мать мою поставить противъ меня, рѣшился испросить ея благословеніе на отъѣздъ въ свое имѣніице, что и исполнилъ въ началѣ сентября. При семъ объясненіи мать моя спросила у меня: „что заставляеть тебя ѣхать отсюда?“ Я молчалъ, ибо чувствовалъ, что если сказать правду,

то произведу гнѣвъ ея мнѣ же въ послѣдствіи могущій во вредъ обратиться, потому что я твердо зналъ и видѣлъ превосходную любовь ея къ Алексію и Натальѣ, для которыхъ и въ раздѣлѣ батюшкина имѣнія меня совершенно обидѣла и потому рѣшился молчать, а только доложилъ ей, что пора начать устраивать свой уголокъ, на что она не сказала ничего, а благословила меня ѣхать, давъ притомъ приказъ отъ себя своему старостѣ дать мнѣ 10 подводъ изъ числа 30 на одну поѣздку, чтобы подсобить мнѣ вывести лѣсъ на строеніе!!

Итакъ я не ошибся въ своемъ заключеніи и послѣдствіе оправдало нѣкоторую холодность ея ко мнѣ сею ничтожною помощію, въ которой и чужимъ не отказываютъ, и которою я въ послѣдствіи пользовался отъ добрыхъ своихъ сосѣдей дававшихъ мнѣ по 50 и болѣе подводъ для возки изъ близкихъ лѣсовъ, купленныхъ мною деревьевъ на строеніе. При отъѣздѣ моемъ Алексій показалъ всю черноту души своей, ибо когда я сталъ просить матушку о пожалованіи мнѣ тѣхъ 700 руб., которые угодно ей было во время моей службы взять изъ доходовъ моего имѣніица на построеніе церкви въ Подсосенкахъ, то онъ съ язвительнымъ видомъ и насмѣшкою, превосходившею и самое требованіе, сталъ насчитывать свои деньги, на излѣченіе моей раны въ Пруссіи 1807 году употребленныя, хотя тогда давалъ ихъ изъ одной кичливости при полковникѣ нашемъ Козловскомъ, а я по глупости своей, видя, что онъ швырялъ, можно сказать, тогда деньгами, которыхъ у него было много, полагалъ, что брызги золотого его дождя, и до меня достигли, издержалъ ихъ довольно неосмотрительно, принявъ ихъ за подарокъ, но теперь дорого за сіе заплатилъ, ибо полагая на 700 рублей устроить себѣ небольшое жилище, вдругъ увидалъ себя лишеннымъ сего единственнаго моего пособія. Но дѣло сдѣлано! И я съ однимъ презрѣніемъ къ сему жестокосердому человѣку и съ 100 рублями поѣхалъ въ свое Красное строить вмѣсто уже домика крестьянскую хату.

Глава III.

Пустырь, поселеніе и занятія.

1810 годъ.

Пріѣхавъ въ Красное, я не нашелъ на своей усадьбѣ не только какого либо строенія, но ниже одного дерева, гдѣ бы подтѣнію онаго лѣтомъ можно было отдохнуть на чистомъ воздухѣ, и самое мѣсто изрыто было ямами, не обнесено валомъ, и, однимъ словомъ, я нашелъ здѣсь совершенный пустырь. По пріѣздѣ моемъ

первымъ моимъ дѣломъ было построить для себя горницу, а какъ денегъ у меня было только 100 рублей, то я и принужденъ былъ купить оную въ шесть аршинъ длины и ширины, и въ сей хижинѣ прожилъ я до лѣта 1812-го года; послѣ сего кой какъ изъ гвилушекъ купилъ избу для людей, которыхъ у меня всего на всего было три человѣка и обнесъ скотный дворъ плетнемъ. Въ такомъ видѣ я провелъ зиму, живя въ совершенномъ уединеніи, потому что ни самому выѣхать было не въ чемъ, ни у себя принять негдѣ,—не въ правѣ ли я былъ сѣтовать на своихъ родныхъ? изъ нихъ мать имѣла болѣе 120 душъ при славномъ доходѣ; братъ 20000 собственныхъ денегъ и при всемъ томъ не только никто не помогъ мнѣ ни въ чемъ, но даже желали вредить сколько могли. По сущей справедливости и по чистой совѣсти долженъ сказать я, что, видя въ послѣдствіи людей въ разныхъ положеніяхъ жизни и обстоятельствахъ и примѣняя ихъ къ себѣ, могу сказать, что пороки всѣхъ людей какъ бы сосредоточились въ нашей бывшей семьѣ и изгнали изъ оной всѣ чувства нѣжности. Итакъ, чему дивиться?—если я имѣю въ характерѣ большіе недостатки. Слава Богу, что я не сдѣлался пьяницей, воромъ и самымъ негоднымъ человекомъ.—Худое занятіе нами родителей, алчность къ деньгамъ, хладнокровіе и ненависть при дурномъ поведеніи ближнихъ родныхъ—суть такія тяжкія наказанія, отъ которыхъ да избавить Богъ всякаго человѣка!

Я прошу Господа да не будетъ никогда болѣе ни одинъ человѣкъ въ такомъ положеніи семейства, въ какомъ, къ несчастію, я находился, ибо таковыя люди суть язва благочестія, чести и всѣхъ чувствъ возвышенныхъ, о которыхъ они не имѣютъ понятія! Сіи люди ханжествуютъ въ наружныхъ обрядахъ церкви, къ которымъ они привязаны даже до изступленія; вовсе не знаютъ и даже знать не хотятъ о сущности благословенной христіанской религіи, которая даже имъ ненавистна. Попробуйте съ ханжой поспорить, что лучше не ѣхать къ обѣднѣ, чѣмъ ѣхавши туда браниться и драться за какую либо неисправность гардероба или экипажей, попробуйте сказать злomu ханжѣ, что онъ слушаетъ въ день двѣ обѣдни, а обижаетъ ближнихъ, и тогда вы ясно увидите истину словъ пророка Исаія, которому Богъ Господь предсказалъ о лицемѣрахъ Ему непріятныхъ сими словами: „Приближаются ко мнѣ люди сіи усты своими, чтутъ меня языкомъ, сердце же ихъ далеко отстоитъ отъ меня, но всеу чтутъ меня, уча ученіемъ и заповѣдямъ человѣческимъ“. (Матѣ. Гл. XV ст. 8-й и 9-й.)

Въ сіе время занятія мои состояли въ хозяйствѣ и разныхъ заведеніяхъ птицы и скота, ибо у меня сего ничего не было по благой волѣ моей матери, отдавшей все тѣмъ дѣтямъ, къ которымъ имѣла благоволеніе.

Глава IV.

Недостатки въ образѣ жизни и образѣ оной. Чтеніе, комета 1811-го года. Наглые поступки дѣтей съ матерью, плутовское обобраніе, подлость въ кражѣ дома. Кончина матушки.

1811 годъ.

Не имѣя ни зимняго ни лѣтняго экипажа, я велъ во весь сей 1811-й годъ жизнь самую уединенную, видясь только съ двоюродными братьями моими, и то очень рѣдко; у меня не было ни повара, ни посуды въ чемъ бы готовить, и я, отыскавъ 70-лѣтнюю старуху, радъ былъ, что она, по крайней мѣрѣ, варила мнѣ супъ и могла сдѣлать простой соусъ и жаркое въ купленной мною въ началѣ сего года кухонной посудѣ. Открывшаяся весна, доставя случай и возможность для прогулокъ, доставила мнѣ и другое занятіе—парники. Въ числѣ старыхъ и глухихъ людей, мнѣ матушкою данныхъ, достался и плохой старый садовникъ отца моего и съ симъ-то служителемъ началъ я трудиться надъ парниками, желая доставить себѣ какое нибудь занятіе, ибо, по несчастію, я не имѣлъ возможности ни купить, ни читать много книгъ, а небольшое количество оныхъ разными случаями мною получаемыхъ по страстной моей любви къ чтенію, я тотъ же часъ прочитавъ, оставался въ гибельной предразсудности, не умѣя ни рисовать, ни чертить для развлеченія и полезнаго занятія себѣ; при семъ со вздохомъ скажу: сколько есть мушкетеровъ, которымъ бы слѣдовало воспретить вступать въ бракъ прежде нежели дадутъ они отчетъ въ священныхъ обязанностяхъ мужа и отца.

Наступившее лѣто дало мнѣ сильныя и сообразныя лѣтамъ занятія въ посѣвѣ хлѣбовъ, распашкѣ моей усадьбы для планированія оной и вмѣстѣ для посѣва на оной сѣмени для умноженія дохода своего, и Господь благословилъ усилія трудовъ моихъ изобильнымъ урожаемъ хлѣба всѣхъ родовъ и даже, можно сказать, преизобильнымъ. Тутъ сладостная надежда поправленія моего состоянія несла въ душу мнѣ то спокойствіе и радость, каковыя едва ли когда чувствовалъ богачъ среди роскошнаго замка своего; къ сему удовольствію моему я получилъ и другое, въ наблюденіи прекрасной и величественной кометы, явившейся у насъ въ началѣ Августа; тогда, по захожденіи солнца, я по цѣлымъ часамъ сиживалъ и любовался симъ рѣдкимъ явленіемъ, забывая даже о снѣ, воспаряя моими мыслями въ міры надзвѣздныя. Такъ проводилъ я прелестное сіе лѣто, наслаждаясь въ то же время и романическою прогулкою по берегамъ нашей маленькой рѣчки, гдѣ я сиживалъ не-

рѣдко, услаждая слухъ свой ея журчаніемъ; ея безвѣстное теченіе сравнивалъ я съ безвѣстностію своей жизни, но при сравненіи общаго нашего съ нею одиночества, я чувствовалъ нѣкоторую грусть сердечную и возвращался въ смиренную хижину мою, проникнутый оною. Ахъ,—думалъ я,—и мнѣ суждено жить и умереть въ бѣдственномъ одиноствѣ, и я паду, никѣмъ неоплакиваемый. Но среди сихъ печальныхъ размышленій нѣкоторый лучъ надежды блисталъ въ душѣ моей, и я предавая себя въ волю и распоряженіе Всемогущаго, оставался спокойнѣе. Въ исходѣ сего лѣта пріѣхалъ въ Есеновъ и Алексѣй съ сестрами, и я, удивленный симъ неожиданнымъ пріѣздомъ, поспѣшилъ къ нимъ, дабы узнать причину онаго; они рассказывали мнѣ, что будто матушка согнала ихъ, и злобный Алексѣй даже осмѣливался отзываться о ней съ наглымъ презрѣніемъ, но вскорѣ завѣса спала съ глазъ моихъ, и я, получа отъ матушки письмо, узналъ всѣ обстоятельства сего ужаснаго происшествія, которыя здѣсь и описываю не для примѣра, ибо избави меня Богъ и мысли, чтобы нашелся другой таковой извергъ, но пишу для того, чтобы показать до какой степени можетъ унизиться человѣкъ, преданный любостыжанію и исполненный ложнаго Богопочитанія, или полагающійся на наружные обряды церкви и ищущій черезъ оныя спасенія своего.

По отъѣздѣ моемъ въ 1810 году, Алексѣй и Наталья, устраняя главное препятствіе, начали болѣе и болѣе оказывать услуги матушкѣ, надѣясь черезъ то получить желаемое, то есть ея имѣніе, въ селѣ Подсосенкахъ и Кортуринѣ, Тамбовской губерніи, Шацкаго уѣзда въ селѣ Старомъ состоявшаго, и простирали виды свои и на Есеновскій, матушкѣ по раздѣлу представленный домъ, со всѣмъ строеніемъ и усадьбою, болѣе 5 десятинъ простиравшеюся, какъ, равно, на всю ея седьмую часть, изъ имѣнія отца моего ей доставшуюся; словомъ, Алексѣй, не имѣя ни качества, ни духа генеральскаго, отчего и въ отставку вышелъ, хотѣлъ симъ незаконнымъ пріобрѣтеніемъ получить средства жить по генеральски.

Мать моя, видя Алексѣя, крестящагося съ плеча на плечо и поклоняющагося въ церкви и дома очень часто до земли, постыжающагося такъ, какъ и монахъ не всякій постится, слушающаго частые молебны и всенощныя и любя сама всѣ сіи наружности, полагала, что она нашла рѣдкаго сына, а въ Натальѣ рѣдкую дочь и подпору своей старости, ибо и она ни въ чемъ не уступала Алексѣю по наружной приверженности къ религіи. Но бѣда состояла въ томъ, что они всѣ заблуждались, не вѣдая и или нехотя вѣдать, что Господь нашъ Иисусъ

Христось, сія непостижимая любовь, заповѣдалъ своимъ послѣдователямъ любовь и миръ, требуя неотмѣнно, чтобы мы такъ поступали со всѣми какъ желаемъ чтобы они съ нами поступали, и постановилъ неизмѣнное правило: любить Бога болѣе всего и ближняго какъ самаго себя; знать Единого Бога и имъ посланнаго Иисуса Христа,—вотъ въ чемъ состоитъ все существо вѣры нашей благословенной, къ достиженію которой непременно нужно частое себя испытаніе по слову апостола: „себя испытайте, аще еси въ вѣрѣ себя испытайте!“

Алексѣй, въ началѣ сего лѣта, не видя со стороны матери нашей никакой наклонности къ предположенной имъ передачѣ ему имѣнія началъ явно требовать оной и получилъ отказъ. Сей отказъ раздражилъ его самолюбіе, и онъ началъ требовать настоятельно,—забывъ уваженіе должное матери,—того, чего не могъ получить по согласію, представляя, что онъ, будучи въ службѣ, не получалъ дохода, забывъ, что въ награду сей уступчивости мать предоставила ему лучшую часть изъ всего отцовскаго имѣнія и содержала на своемъ иждивеніи 12 человекъ его деньщиковъ и болѣе 20 лошадей въ теченіе двухъ лѣтъ. Но какъ бы то ни было, Алексѣй согласясь съ Натальей, рѣшился жестоко отомстить матери за ея непреклонность на его желаніе и, вслѣдствіе сего, они сначала приступили къ тайному вывозу всего имущества матери изъ ея кладовыхъ, что имъ и легко было сдѣлать, ибо матушка по своей слабости ни за чѣмъ не смотрѣла, какъ выше сказано, а все было въ рукахъ Натальи и Алексѣя. Рассказывали люди, что, нагружая разными вещами подводы крестьянъ матушки, отправляли ихъ среди дня мимо оконъ дома и на вопросъ ея, что за обозъ идетъ безстыдно лгали говоря:—какіе то чужіе,—и мать сему вѣрила. По окончаніи сего вывоза Алексѣй, съ грубостію приступя къ престарѣлой матери, снова началъ требовать своего вознагражденія и съ неслыханною дерзостію вынудилъ ее дать купчую на одного ея человека, ему нравившагося; огорченная симъ мать выѣхала послѣ сего дѣйствія изъ своего дома къ живущей съ нею въ одномъ селѣ родственницѣ и прислала оттуда за меньшей сестрой моею Александрой, но Алексѣй и Наталья, рѣшившись бросить мать, убѣдили къ сему и Александру и не выдавшись съ матерью всѣ уѣхали въ Есенокъ, оставя столь гнуснымъ и злодѣйскимъ образомъ 70-лѣтнюю слабую мать безъ всякой опоры, утѣшенія и помощи. Такой конецъ воспріяла съ одной стороны несправедливость матери къ другимъ ея дѣтямъ въ пользу сихъ избранныхъ ея, а съ другой стороны адчность и мщеніе непокорнаго и несчастнаго сына, несчастнаго, ибо послѣ увидимъ 15-лѣтнее его за сіе страданіе и ужасную смерть. По прибытіи своемъ въ Есенокъ, Алексѣй, исполняя мѣру своей наглости

противъ матери, рѣшился на самый подлый поступокъ:—онъ, приглася къ себѣ пьянаго Епифанскаго тогдашняго судью Голубкова, одаря его и употчивавъ, убѣдилъ выдрать листъ изъ раздѣла, которымъ Есеновскій домъ со всею усадьбою представленъ былъ матушкѣ и вмѣсто его вписать, что сей домъ и усадьба отданы Алексѣю и, получа все оное, выгналъ ея скотину и людей, какъ бы въ заплату такового ея поступка съ нами въ 1805 году.

Получа о семь окончательномъ безчестномъ поступкѣ извѣстіе, матушка рѣшилась ѣхать въ Тулу, просить о семь губернатора, что и исполнила въ началѣ зимы. Выѣхавъ для сего въ началѣ декабря, она изволила изъ Притонъ (деревни, на большой дорогѣ лежащей, въ 8 верстахъ отъ меня) прислать ко мнѣ за квасомъ, приглашая при томъ меня пріѣхать въ Тулу. Алексѣй, исполняя мѣру свою, узнавъ о семъ, пустился впередъ и научилъ передового матушкина человѣка, ѣхавшаго въ Тулу для найма дома, чтобы онъ не искалъ онаго, дабы тѣмъ вновь обезпокоить ее, а самъ въ пьяномъ видѣ обскакивалъ нѣсколько разъ экипажъ матушки и уговаривалъ дѣвогъ ея уйти отъ нея. Непривыкшая къ столь отдаленному трудному пути, одна, безъ дочерей къ пособію коихъ привыкла, и, по пріѣздѣ въ Тулу не найдя готовой квартиры и принужденная ѣздить по городу болѣе трехъ часовъ, сія достойная, но несчастная мать принуждена была остановиться въ домѣ родственницы своей Барноволоковой, гдѣ, не могши имѣть нужнаго ей покоя въ теченіи двухъ дней, пока наняли ей домъ, она занемогла. Узнавъ о семъ, я, броса все свое хозяйство, въ худой кибитчонгѣ поскакалъ въ Тулу и нашелъ любезнѣйшую мать мою въ болѣзненномъ положеніи. Оставшись при ней, я упросилъ двоюродную тетку нашу Барноволокову оставить дочь ея Александру Петровну для хожденія за матушкой, ибо различіе пола препятствовало мнѣ исполнить сію священную обязанность; призванный докторъ началъ пользоваться матушку, но ей, не взирая на сіе, становилось часъ отъ часу хуже. Въ сихъ обстоятельствахъ я послалъ нарочнаго къ Алексѣю и сестрамъ, прося ихъ пріѣхать примириться съ умирающей матерью, но Алексѣй полагая, что я его обманываю, не поѣхалъ и сестры также, итакъ почтеннѣйшая и престарѣлая мать, имѣющая многочисленныхъ дѣтей, лишилась помощи ихъ и утѣшенія умереть среди благословеній оныхъ. Что сему причиною? Справедливость требуетъ сказать, что съ одной стороны несправедливость въ отношеніи къ равенству всѣхъ дѣтей должному и любовь по избранію, а съ другой злое сребролюбіе, жестокость сердца и отсутствіе всѣхъ чувствъ человѣческихъ были первою пружиною сихъ печальныхъ послѣдствій. Болѣзнь матушки, день ото дня становившаяся опаснѣе, приб-

лижала ее къ дверямъ гроба; чувствуя наступленіе часа смерти, она потребовала духовника, исповѣдалась и приобщилась Святыхъ Таинъ съ большимъ чувствомъ. Я былъ свидѣтель, что когда священникъ началъ читать ей молитву „Вѣрую Господи“, то она подняла дрожащія свои руки и глаза на небо, куда готовилась вскорѣ переселиться; кончина ея была кончиной праведной: тиха, мирна и подобна угасающей лампадѣ; я палъ къ ногамъ ея и слезами моими омылъ оныя. Предавъ землѣ бранные остатки сей умной, просвѣщенной и любезной мнѣ матери въ селѣ Порѣчьѣ, я возвратился въ мою хижину съ чувствомъ горести и негодованія на злобу людей. Правду сказалъ Пушкинъ: „Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ въ душѣ не презирать людей“.

Глава V.

Хорошій доходъ, строеніе дома, газетныя извѣстія о военныхъ приготовленіяхъ. Нашествіе французовъ, невозможность явиться на поле брани; бѣгство дворянъ и ругательства черни.

1812 годъ.

Необыкновенный урожай хлѣба въ 1811 году и высокая цѣна на оный, вознаграждая всѣ труды мои, доставили мнѣ большой, а именно болѣе 2000 рублей простиравшійся, доходъ. Имѣя у себя 4 тягла здѣсь, я большую часть хлѣба продалъ на мѣстѣ по огромной цѣнѣ и съ сими то деньгами началъ зимой готовить дѣсь на строеніе дома, пользуясь подводами добрыхъ моихъ сосѣдей. Къ Апрѣлю 1812-го года домъ мой построенный на квадратѣ 12-аршинной мѣры, имѣлъ 4 комнаты чистыхъ и покойныхъ, которымъ я радовался болѣе, нежели богачъ новой отдѣлкѣ великолѣпныхъ палатъ своихъ. Радость моя была столь велика, что едва онъ былъ оконченъ, какъ я въ половинѣ Апрѣля перешелъ въ него жить; холодъ, бывающій у насъ довольно жестокимъ въ сіе время, много меня беспокоилъ, ибо домъ былъ безъ печей, но молодость и соединенное съ оною милодушіе добровольно выносили то, за что часто многіе платятъ жизнью. Получая въ сіе время газеты, какъ необходимую для моего занятія потребность, я видѣлъ изъ оныхъ огромныя военныя приготовленія на западныхъ нашихъ границахъ, видѣлъ что тамъ устроены три дѣйствующихъ арміи и двѣ резервныхъ и оставался покоенъ въ разсужденіи безопасности своего отечества, помня, что мы въ 1807-й году съ 70-тысячною арміею противустояли Наполеону, имѣвшему 150 тысячъ! При наступленіи лѣта я теперь не только занялся парниками, но и устройствомъ цвѣтника, который я хотя и передъ прежней своей избушкой имѣлъ, но самый маленькій, а теперь получилъ возможность слѣдовать сей моей

страсти въ лучшемъ уже видѣ. Любя цвѣты всякаго рода, я самъ ходилъ за ними, поливая и очищая оныя, и симъ пріятнѣйшимъ занятіемъ имѣлъ весьма большое удовольствіе, видѣть цвѣты мои въ прекрасномъ видѣ. Но среди сихъ мирныхъ занятій въ исходѣ Іюня я пораженъ былъ извѣстіемъ о вторженіи арміи Наполеоновой въ предѣлы нашего отечества. Въ то же время наступили сильныя жары и необыкновенная засуха и появились черви, истребившіе совершенно всходы гречи и позднихъ овсовъ нашихъ. Среди сихъ домашнихъ и политическихъ бѣдствій распущены были слухи самыя непріятныя, положившіе начало тому плачевному предчувствію, которое оправдалось потерей Смоленска въ началѣ Августа. Въ то же время получилъ я воззваніе Царя, приглашавшее къ оружію всѣхъ дворянъ. Первое чувство мое было броситься къ оружію и летѣть на знакомыя поля брани, но для сего надо было имѣть деньги на обмундировку и другія необходимыя издержки, а я свои, не вѣдая о грозѣ страшившей наше отечество, всѣ протратилъ и остался безъ гроша. Занять было не у кого, ибо я ни съ кѣмъ знакомъ не былъ; оставалось одно средство—занять оныя у богатаго брата,—и я прибѣгъ къ Алексѣю. Но сей недостойный сынъ отечества, не взирая на свой чинъ, собрался бѣжать въ Тамбовскую покойной матери нашей деревню, и для того собравъ свои деньги и вещи, укладывалъ ихъ въ экипажи тогда, когда я въ жару любви къ отечеству пріѣхалъ къ нему просить помощи для способствованія мнѣ къ защитѣ любезнаго моего отечества. Далекъ будучи сихъ благородныхъ чувствъ, онъ съ грубостію отказалъ мнѣ въ 200 рубляхъ и не теряя времени пустился въ бѣгство, явно обнаруживъ тѣмъ слабость своего характера и величайшій эгоизмъ, столь пагубный въ общественной и частной жизни. Оставившись безъ денегъ и видя что намѣреніе мое сражаться никакимъ образомъ исполнено быть не можетъ, ибо бѣдственное состояніе полей нашихъ мало давало надежды и къ зимнему доходу, я въ половинѣ сентября собрался въ Подсосенки, гдѣ собрались уже всѣ мои родные, могшіе порядочно поубавить мнѣ тамъ принадлежавшее. Ъхавши дорогой я видѣлъ совершенное переселеніе народовъ. Надо себѣ представить великое число скачущихъ экипажей, огромные тянувшіеся купеческіе обозы, ѣдущій и идущій народъ, чтобы имѣть понятіе о тогдашнемъ всеобщемъ бѣгствѣ изъ Москвы, ея окрестностей и прикосновенныхъ къ ней губерній; особенно ночь представляла величественное и какъ бы воинственное зрѣлище отъ блеска разводимыхъ народомъ огней, уподобляя оныя бивакамъ огромной арміи. Ругательства черни, живущей на большой дорогѣ, которыми осыпала она проѣзжавшихъ господъ, изумляли меня, приводили мысли мои къ ожиданію всеобщаго возмущенія сего многочисленнаго класса людей. Я ежеми-

нотно ожидалъ, что сіи бѣгущія господчики будутъ жертвою ярости черни, но къ счастью, ея ротъ, дѣйствуя во всей силѣ, оставлялъ руки въ совершенномъ бездѣйствіи. Я совершенно увѣренъ, что одни партизаны, столь не нравившіеся Наполеону и всѣмъ французскимъ писателямъ о сей войнѣ, были одною изъ важнѣйшихъ причинъ востанія народа въ Московской и Смоленской губерніи. Утлый мой экипажець, не обращая на себя вниманія черни, избавлялъ меня отъ ругательства, и я покойно пріѣхалъ въ Подсосенки; проживъ тамъ нѣсколько дней и видя, что и тамошніе помѣщики собрались ѣхать далѣе, опасаясь приближенія театра войны, и наскуча смотрѣть на глупыя предосторожности нашего генерала, я въ концѣ Сентября возвратился въ свое Красное, гдѣ и узналъ, что армія наша, порученная знаменитому и испытанному во браняхъ Кутузову, стоитъ въ крѣпкой позиціи при Тарутинѣ въ Калужской губерніи и что французамъ плохо.

Глава VI.

Раздѣлъ имѣнія 1813-го года; поѣздка въ Тамбовъ, продажа имѣнія, уплата долговъ. Тяжкая болѣзнь Алексѣя и несогласіе его съ сестрами. Поправка въ моемъ устройствѣ.

1813—1814 годы.

Наконецъ прошелъ ужасный для Россіи 1812-й годъ и съ наступленіемъ новаго 1813 года водворился у насъ миръ и спокойствіе, хотя война въ Европѣ и свирѣпетовала еще во всей силѣ. Въ семь году приступили мы къ раздѣлу имѣнія оставшагося послѣ покойной нашей матери. — Дурное обращеніе Алексѣя съ сестрами, его развратное поведеніе внушило мнѣ сожалительное чувство, хотя и къ виновнымъ, но и весьма жалкимъ сестрамъ моимъ, и я убѣдилъ братьевъ: покойнаго Николая и здравствующихъ Ивана и Владимира, уступить имъ село Подсосенки частію здѣшняго имѣнія такъ, что у насъ братьевъ и сестеръ составлялись равныя части по 35 душъ, ибо село Колтырино въ 35 душахъ состоящее положили мы продать и сими деньгами заплатить долги покойныхъ нашихъ родителей до 10000 рублей простиравшіеся. Къ чести братьевъ моихъ надо сказать, что они устраивая судьбу сестеръ забыли даже о себѣ, ибо ни у меня, ни у братьевъ не было еще устроенныхъ усадьбъ, а у Владимира и никакой, а они уступили сестрамъ прекрасно устроенную усадьбу въ Подсосенкахъ съ большимъ домомъ, садомъ и со всѣмъ дорогимъ надворнымъ строеніемъ; однимъ словомъ, братья доказали свою любовь и участіе къ сестрамъ такое, которое приносить имъ честь незабвенную, и за которое

сестры имъ заплатили въ 1827 году ужасною неблагодарностію, какъ увидимъ впослѣдствіи.

По окончаніи раздѣла, отправились мы всѣ, но сообразно воспитанію и характеровъ своихъ, всѣ по разнымъ отдѣленіямъ въ Подсосенки, гдѣ запродавъ Колтырино за 10500 руб. госпожѣ Протасьевой, поѣхали въ Тамбовъ для совершенія купчей и полученія съ нея тамъ денегъ и здѣсь Алексѣй, по праву сильнаго, взялъ деньги къ себѣ, и мы по окончаніи всего дѣла выѣхали изъ Тамбова всякій въ свой домъ, благодаря Бога, что продавъ, хотя и дешево Колтырино, но все же заплатя долги, останемся покойны, владѣя всякій своимъ имѣніемъ, а главная радость моя была та, что сею продажею я избавлялся отъ тяжкой опеки Алексѣя, который, внеся свои деньги въ уплату долговъ покойныхъ нашихъ родителей, могъ все наше имѣніе прибрать въ свои руки и сдѣлать насъ своими вассалами, что уже онъ привелъ въ дѣйствіе по Козельской нашей деревнѣ. По полученіи достальныхъ денегъ съ нашей покупщицы Алексѣемъ, мы всѣ вмѣстѣ поѣхали въ исходѣ 1813-го года по зимнему пути въ Тулу, дабы быть свидѣтелемъ взноса всей суммы отъ Алексѣя въ тамошнее губернское правленіе; оконча и сіе послѣднее наше дѣло, я съ глубочайшею къ Богу благодарностію радостно возвратился въ смиренный мой домикъ. Наконецъ Божеское правосудіе коснулось Алексѣя за его оскорбленія матери и всѣхъ насъ, и онъ впалъ въ тяжкую болѣзнь въ началѣ 1814-го года, которая, медленно приближая его ко гробу, положила конецъ его жизни въ 1827-мъ году, какъ увидимъ впослѣдствіи. Несогласіе его съ сестрами, страхъ смерти, непомѣрная скупость, видимое неудовольствіе всѣхъ его родныхъ за его наглое и презрительное съ ними обращеніе, все сіе совокупно дѣлало Алексѣя въ глазахъ моихъ несчастнѣйшимъ человѣкомъ; онъ по всей справедливости болѣе заслуживалъ сожалѣніе нежели ненависть, ибо, истоща всѣ жизненные соки безпорядочною жизнью своей молодости, оставался теперь холоднымъ ко всему высокому и изящному. Подобный ему представляетъ примѣръ и великій Фридрихъ король Прусскій, не могшій равнодушно видѣть счастье другихъ людей и равнодушно взиравшій на бѣдствія оныхъ, что многими умными и опытными людьми приписывается развратной его молодости; вотъ живые примѣры, по которымъ всякій молодой человѣкъ, желающій окончить дни свои въ мирѣ съ самимъ собою и со всѣми людьми долженъ строго устранять себя отъ всѣхъ излишествъ, а паче вина и тѣмъ болѣе неумѣреннаго употребленія онаго, о чемъ и святой апостоль Павелъ, великій наблюдатель чело-вѣчества, написалъ сими словами: „Не упивайтесь виномъ, отъ кото-

раго бываетъ распутство“ (Къ Ефес., гл. V-я, стих. 18-й), а сіе распутство, истощая физическія силы, потемняетъ память, истребляетъ чувство нѣжности, дѣлаетъ подозрительнымъ и неспособнымъ ни къ любви, ни къ дружбѣ; однимъ словомъ, истребляя всѣ чувства человѣческія, дѣлаетъ человѣка подобнымъ скоту, ищущему только отличной пищи, которою мнитъ онъ напитать изнуренное тѣло свое и покоя физическаго, черезъ который думаетъ сей бѣднякъ укрѣпить себя. Но тщетны всѣ сіи усилія, ибо они еще болѣе ускоряютъ приближеніе смерти, тогда какъ сіи истощенные чѣмъ болѣе слабѣютъ, тѣмъ болѣе хотятъ жить, завидуя здоровымъ людямъ. Я былъ очевидцемъ молодости и преждевременной смерти, а, что еще тягостнѣе, страдательной жизни Алексѣя и пишу сіе наиболѣе для примѣра вашего, любезнѣйшія мои дѣти, дабы, видя живой примѣръ, вѣдали сколь опасно истощеніе скоропроходящей юности и заранѣе узнали цѣну сохраненія своего здоровья для проведенія мирной и счастливой и долгоденственной старости, о чемъ величайшій нашъ Благодѣтель Господь Иисусъ Христосъ заповѣдалъ, повелѣвъ намъ: „бдите на всякое время и молитесь да сподобитесь избѣжать всѣхъ сихъ бѣдствій и предстать предъ Сына Человѣческаго“, (Луки, гл. XXI-я, ст. 36-й.) Къ сохраненію себя отъ сего пагубнаго истощенія нѣтъ лучшаго руководителя, какъ святое Писаніе Библіи, въ ней на каждой страницѣ мы научаемся жить достойно человѣческаго назначенія, тамъ мы увидимъ увѣщаніе: „Трезвитесь и бодритесь“. (1-го посл. Петра V гл., стих. 8-й.). „Худыя общества развращаютъ добрыя нравы“. (Къ Коринѣ: 1-го посл. XV гл., ст. 33-й). „Смотрите за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объяденіемъ и пїянствомъ“ (Луки, гл. XXI-я, ст. 34-й). „Со страхомъ проводите время странствованія вашего“. (Петра 1-го посл. гл. 1-я, ст. 17-й). „Испытайте самихъ себя, въ вѣрѣ ли вы? самихъ себя изслѣдуйте“. (Къ Коринѣ.: 2-го посл. гл. XII, ст. 5-й), и многія другія наставленія и предостереженія; итакъ возьмемъ себѣ за спасительное правило жить такъ, какъ повелѣлъ Единный Наставникъ и Учитель нашъ Иисусъ Христосъ, и мы увидимъ еще въ здѣшней жизни благія послѣдствія святѣйшаго ученія сего. Послѣ сего спасительнаго отступленія обратимся къ тогдашнимъ современнымъ событіямъ моей жизни. По уплатѣ долговъ родителей моихъ и по полученіи мною въ наслѣдство отъ покойной моей матери 2 тыголь въ Краснонѣ, съ 3 или 4 десятинами въ каждомъ полѣ земли. Состояніе мое нѣсколько улучшилось, ибо я уже имѣлъ домъ и началъ устраивать и разное надворное строеніе, мазанное на мало-россійскій манеръ, что дѣлало гораздо лучшей видъ и прочность чѣмъ плетни, доселѣ у меня бывшіе. Получа въ число переплоченныхъ мною прежде общей заплаты за долги родителей моихъ болѣе 400 рублей,

я въ началѣ 1814-го года купилъ въ Тулѣ хорошія на рессорахъ дрожки за 325 р. и, купя всю къ нимъ принадлежность, получилъ возможность выѣзжать порядочно, почему и началъ знакомиться въ семь году съ сосѣдями своими: Марковымъ, Албучевымъ, Григоровыми и двоюродными моими братьями Леонтьевыми и симъ средствомъ началъ уже пріятнѣе проводить время. Въ сіе время годовой доходъ мой съ пансіономъ обыкновенно простирался до 1000 рублей, ибо хлѣбный расходъ, умножась на содержаніе дворовыхъ людей, которыхъ въ сіе время имѣлъ я уже 6 человекъ, не считая женщинъ, не позволялъ мнѣ дѣлать всей продажи хлѣба; къ тому содержаніе 2-хъ лошадей для своего выѣзда, и пріѣздъ гостей дѣлали расходы болѣе прежняго и потому я, хотя, имѣлъ всѣ жизненныя выгоды, но денегъ у меня въ карманѣ было немного, ибо и изъ 1000 надо было много издерживать на покупку мебели, серебра столоваго, посуды и прочаго. Такимъ образомъ, я хотя и могъ уже считаться въ числѣ помѣщиковъ, но весьма небогатыхъ. Робость, свойственная недостатку, при видѣ житья богатыхъ моихъ сосѣдей, иногда дѣлала меня неловкимъ въ обращеніи, но я старался побѣдить сіе скорбное чувство величіемъ твердаго духа и иногда успѣвалъ въ семь.

Глава VII.

Выборъ въ исправники 1815-го года, служеніе, знакомства, довѣренность дворянъ ко мнѣ; услуга знакомымъ, справедливость и безпристрастіе, любовь и уваженіе всего уѣзда; поправление домашнее, смерть брата Николая въ 1815-мъ году.

1815 годъ.

Наступленіе 1815-го года открыло у насъ выборы; братъ мой Алексѣй возжелалъ помѣстить меня въ исправники, и, отнеся о семъ къ Григорову, сильному по связямъ въ нашемъ уѣздѣ дворянину, и получилъ его согласіе. Не помышляя о такомъ возвышеніи, ибо зналъ, что многіе извѣстнѣйшіе меня дворяне желали занять сіе мѣсто, я весьма удивился и обрадовался, узнавъ, что уже всѣ дворяне предварительно положили избрать меня на сіе, лестное тогда, мѣсто. Я радовался не потому, что могъ обогатиться, но что могъ теперь быть полезнымъ обществу дворянъ и могъ еще болѣе сблизиться съ ними, чего всегда и желалъ я, потому что, живучи въ деревнѣ, я не могъ имѣть иной цѣли, не имѣя семейства и живучи въ совершенномъ одиночествѣ, сверхъ сего, видя, какъ прежніе исправники исполняли сію должность, я чувствуя себя способнымъ, хотѣлъ дать примѣръ истиннаго служенія, въ чемъ и успѣлъ впоследствии при благословеніи Господа щедротъ.

Такимъ образомъ, брошенный прежде отъ всѣхъ людей и, неоднократно испытавъ величайшія превратности, я въ началѣ 1815-го года сталъ на чреду лучшихъ членовъ своего сословія, ибо при самомъ избраніи я имѣлъ удовольствіе слышать отъ многихъ умныхъ и лучшихъ дворянъ нашего уѣзда лестныя ихъ надежды на мое служеніе. По желанію моему мнѣ дали засѣдателей, Н. Е. Хруцова, моего теперешняго лучшаго пріятеля, съ которымъ я во время нашей службы сдѣлался пріятелемъ и другомъ, и Карочарова, хотя простого, но довольно изряднаго дворянина; съ сими то товарищами, въ исходѣ Января, и вступилъ я въ должность свою. имѣя предводителемъ умнаго, честнаго и кроткаго Ивана Ивановича Бибикова, мужа единственнаго по любви его къ общему благу: сей то рѣдкій человекъ былъ для меня примѣромъ на новомъ моемъ поприщѣ, и навсегда останется для меня незабвеннымъ.

Должность моя сблизила меня со всѣми дворянами нашего уѣзда, которые почти всѣ были люди просвѣщеннаго ума, люди, что называется, большого свѣта и лучшаго тона. Изъ нихъ наименоую я только нѣкоторыхъ, чтобъ дать понятіе о томъ кругѣ, въ которой вошелъ я; первый изъ нихъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Ахлестышевъ, отецъ генерала сей фамиліи, потомъ Татищевъ, Измаиловъ, Власовъ, генералы Бибиковы, Писаревъ, Молчановъ, Игнатьевы, Шнейдеръ и Протопопова. При самомъ вступленіи своемъ на поприще своего служенія, я взялъ себѣ за правило быть неусыпнымъ и справедливымъ въ своемъ званіи и сколько можно чаще быть между сими просвѣщенными людьми. Это знакомство было для меня наукою новою и весьма полезною. ибо служба въ военной службѣ, что могъ я видѣть, кромѣ начальниковъ и подчиненныхъ, биваковъ и сраженій и другихъ подобныхъ сему предметовъ? Но теперь я вошелъ въ кругъ общества, замѣчалъ его обычаи, страсти людей и. что называется, обжился съ ними, получа въ сіи два года болѣе познанія для меня нужнаго, нежели предшествовавшее теченіе моей жизни. Привыкнувши видѣть прежнихъ исправниковъ только при слѣдствіяхъ и въ судѣ. сіи почтенные дворяне съ удивленіемъ и удовольствіемъ видѣли, что я весьма часто былъ среди ихъ и, слѣдственно, не дѣлалъ ничего такого, чтобы заставляло меня отъ нихъ скрываться, но напротивъ, видя, что я всегда и вездѣ готовъ самъ начинать разговоръ о дѣлахъ моихъ и требовать въ иныхъ случаяхъ ихъ совѣта. они меня не только полюбили, но и начали уважать, узнавъ, что я совсѣмъ удаленъ отъ всякаго рода притѣсеній, взятокъ и другихъ мерзостей. Вслѣдствіе сего сіи почтенные люди при случившихся дѣлахъ своихъ безъ всякихъ бумажныхъ просьбъ избрали меня посредникомъ и чѣмъ я рѣшалъ. такъ то и оставалось; къ числу сихъ случаевъ расскажу объ одномъ: Василій Фед. Молчановъ,

одинъ изъ старшихъ дворянъ нашихъ, имѣя общія полевыя дачи съ небогатымъ помѣщикомъ Жеребцовымъ и считая, что сей завладѣлъ у него луга, возшелъ съ нимъ въ дѣло, но узнавъ меня, они оба просили меня, разобрать ихъ и развести, соглашаясь заранѣе исполнить все то, что я сдѣлаю. Получа сие довѣріе, я поѣхалъ на мѣсто спорнаго владѣнія, собралъ понятыхъ и съ помощью ихъ и собственнаго безпристрастія нашель, что не только Жеребцовъ, котораго я и не вѣдалъ, не завладѣлъ у Молчанова лугами, но что сей послѣдній много захватилъ его луговъ и потому, какъ я не уважалъ Молчанова, но тутъ же отрѣзавъ отъ него неправильно присвоенное количество луговъ и возвратилъ Жеребцову, и о семъ извѣстить поѣхалъ самъ къ Молчанову; сей почтенный старецъ, который и теперь знакомъ хорошо съ нами, долженъ былъ согласиться самъ со мною, слыша мои доводы и ни мало симъ не оскорбился, хотя, быть можетъ, и по наружности. Сие дѣло, по которому я осудилъ моего знакомаго и мною уважаемаго человѣка, а оправдалъ мало знакомаго и ничтожнаго помѣщика, вновь усилило ко мнѣ любовь и довѣріе всѣхъ дворянъ нашихъ. Такимъ образомъ, проходя мое служеніе обществу, я всегда имѣлъ въ сердцѣ, что Всемогущій Судья ничѣмъ столь не благоугождается какъ правдою. Я помнилъ, что мы, христіане, обязаны дѣлать помощь всякому требующему оной и потому въ нуждѣ Игнатьева и Шнейдера, здѣшнихъ помѣщиковъ, найдя имъ первому четыре, а второму двѣ тысячи рублей, помогъ имъ столько, что они долго сие помнили. Я никогда и ничѣмъ ни отъ кого не пользовался, полагая, что взять, и по окончаніи дѣла, есть преступленіе гнусное, довольствуясь, собственнымъ своимъ доходомъ, жалованьемъ и двумя тысячами рублей отъ откупщика; я жилъ очень хорошо и имѣлъ всегда открытый столъ для всѣхъ помѣщиковъ. пріѣзжавшихъ по дѣламъ своимъ въ городъ. Въ сие время отданный мною два года тому назадъ въ ученіе поварь вышелъ, оконча оное, и потому столъ у меня всегда бывалъ очень вкусный, и пріѣзжавшіе помѣщики очень были рады, находя у меня столъ, покой и скорое исполненіе своихъ просьбъ, что ни прежде, ни послѣ меня они ни отъ кого не имѣли, что неоднократно я самъ имѣлъ удовольствіе отъ нихъ слышать.

Глава VIII.

Возвращеніе въ Красное, постоянное во ономъ жителство, увеселенія, устройство экипажа и желаніе жениться.

Въ 1817 году назначенъ былъ новый выборъ, дабы привести опять въ порядокъ трехлѣтіе, бывшимъ ополченіемъ противъ французовъ

разрушенное ибо предшествовавшего мнѣ выбора дворянинъ прослужилъ 4 года за неимѣніемъ на смѣну новыхъ членовъ.

Будучи удостовѣренъ двухлѣтнимъ служеніемъ въ тягостномъ и трудномъ служеніи въ званіи исправника и нежелая болѣе быть зависимымъ отъ прихоти нибудь какого крючкотворца губернскаго правленія, я просилъ дворянъ о моемъ увольненіи, на что и получилъ согласіе, ибо Сафоновъ, искавшій въ прошлой выборъ исправничества, но зачерненный тогда для меня, вновь своими происками началъ искать онаго и нашелъ людей, разумѣется, подобной себѣ нравственности, которые желали его. Послѣдствія показали, что охотники по гражданской службѣ никуда не годятся, и сей господинъ Сафоновъ началъ не брать, а грабить, что особенно было для многихъ чувствительно, послѣ двухлѣтняго моего служенія, въ которое жители уѣзда начали забывать грабежъ моихъ предшественниковъ и научились тому, что прямое благородство состоитъ въ истинѣ и безпристрастіи. Несправедливость и алчность моего пріемника пролили новый свѣтъ на мое служеніе и тогда то отъ многихъ лучшихъ дворянъ и бѣдныхъ людей часто весьма часто удавалось мнѣ слышать: „нѣтъ, такого уже исправника намъ не имѣть, каковъ былъ прежній!“ и эта похвала была истинною наградою двухлѣтнихъ трудовъ моихъ при искорененіи разнаго рода злоупотребленій и притѣсненій. Здѣсь я долженъ замѣтить, что и человѣкъ, который лишень способа кривить, невольно уважаетъ того, кто былъ сему причиною, ибо самые приказные, которые многого были лишены при мнѣ, всегда и вездѣ отзывались обо мнѣ съ уваженіемъ и удивленіемъ послѣ уже моего удаленія отъ службы. Итакъ правда всегда и всѣмъ любезна! и кажется, нѣтъ человѣка, который не отдастъ бы ей дани уваженія и любви.

Оставя обширный кругъ дѣятельности, я удалился въ мирный свой уголокъ и принялся за любимое мое занятіе—садъ и чтеніе, размышляя на свободѣ о всѣхъ дарахъ, коими небесное Провидѣніе окружило, такъ сказать, человѣка, и который долженствовалъ бы въ мирѣ наслаждаться оными, я предпочиталъ мирное уединеніе блеску общаго уваженія.

Поселясь въ своемъ Красномъ, будучи всѣми любимъ и видя состояніе мое улучшеннымъ черезъ доставшееся мнѣ имѣніе, я могъ жить весело, принимая у себя и выѣзжая въ свободное время по моимъ сосѣдямъ. Въ семь году я началъ еше улучшать свое хозяйство, построив кухню, купив мебель и крытыя дрожки для спокойнѣйшихъ выѣздовъ.

Обзаведясь всѣмъ нужнымъ и для холостого даже съ изобиліемъ, я умножилъ свое знакомство офицерами пришедшаго къ намъ Астраханскаго гренадерскаго полка, изъ числа которыхъ баронъ Штейнвернъ, бывъ переведенъ въ гвардію, теперь въ хорошемъ ходу, имѣя уже и чинъ полковника; онъ былъ мною обласканъ и принятъ всегда очень

хорошо и, быть можетъ, со временемъ онъ мнѣ и пригодится для дѣтей моихъ, чего я тогда вовсе и въ предметъ не имѣлъ. Такъ то часто случается съ нами, что человѣкъ, котораго мы менѣе всего ожидали видѣть въ чинахъ и почестяхъ, получаетъ оныя и дѣлается предметомъ почтенія и уваженія.

Разъѣзжая туда и сюда и, повидимому, наслаждаясь свободою, я начиналъ скучать своимъ одиночествомъ: пусть, что хотять пишутъ на счетъ супружества, но человѣкъ съ тѣмъ сотворенъ, чтобы въ кругу одного своего семейства находить истинное счастье; пусть вострятъ языки свои свѣтскія умницы на счетъ браковъ, но вседневный опытъ удостовѣряетъ насъ, что только въ мирѣ семейства можно имѣть совершенное удовольствіе или, иначе, — его нѣтъ для человѣка въ семь подлунномъ мирѣ. Очень естественны и съ истинною согласы положенія Жуи, когда онъ говоритъ: „семейство есть изъ всѣхъ обществъ самое естественное и самое древнѣйшее. въ немъ находили мы счастье въ первые годы нашей юности; тамъ же должны искать его и въ престарѣлыхъ лѣтахъ“ *). Сего то источника утѣшенія сей брэнной и бѣдами исполненной жизни нашей начиналъ и я искать; я чувствовалъ, что я не рожденъ къ одиночеству; мысль быть однимъ въ теченіе всей жизни и не имѣть человѣка, который бы имѣлъ ближайшее ко мнѣ чувство всегда меня тяготила. Но какъ я могъ найти сіе существо, которое бы. чувствуя ко мнѣ истинную привязанность. рѣшилось бы быть моею опорой и утѣшеніемъ? Гдѣ женщина, которая могла бы вполне чувствовать обязанности жены и матери? небогатое мое состояніе. образъ мыслей, многихъ впрочемъ, любезныхъ дамъ, заставляли меня отчаиваться найти то, чего столь пламенно желалъ я. Чувствуя, что не въ силахъ моихъ обрѣсти неоцѣнное сокровище въ вѣрной и доброй женѣ. я въ истинной покорности и увѣренности на благость Руководителя рода человѣческаго. рѣшительно положился на Его неизсякаемое милосердіе, ожидая не благоволитъ ли сей Всемилосердный Господь и Искупитель мой. благословить меня симъ даромъ по единой Его неописанной благости. Я не имѣлъ никакого дара ни внутренняго, ни наружняго. былъ брошенъ своими родителями среди мира. не бывъ ни къ чему способенъ по моему невѣжеству и необразованности, итакъ чего же я могъ надѣяться? только въ благости и милосердіи Отца сврыхъ обрѣлъ я толикое благословеніе, какового и многіе великіе міра сего не всегда удостоиваются.

*) См. Французскіе нравы XIX столѣтія. Стр. 107. Жуи.